

1 МАЯ 1968

г. Москва

Газета № . .

МАЙСКИЕ праздники для людей театра совпадают с концом сезона. Для нас это дни подведения итогов и раздумий о будущем.

Этот сезон был для нас особым — мы отпраздновали 50-летие Советской власти. И, готовясь к этому юбилею и намечая перспективы, мы еще раз с особой ясностью осознали, как все наше бытие, наше настоящее и будущее зависят от того, что свершилось 50 лет назад.

Земледельцы, выходящие на весенние полевые работы, уже думают о новом урожае, хотя зерна еще не проросли и пройдет много долгих, трудных дней, пока поле заколосится. Так и мы, закрывая сезон, уже мечтаем о новой, часто еще неведомой нам работе. О новых пьесах, новых ролях. И май для нас — праздник, весь устремленный в будущее.

В праздники обычно говорят о радостном, светлом. Но, думаю, я не омрачу праздничного настроения, если нарушу эту традицию и коснусь того, что в последнее время чрезвычайно волнует нас, актеров, режиссеров, да, впрочем, всех работников театра.

А волнует нас драматургия.

Я говорю об этом всюду. Говорю, быть может, резче, чем надо говорить с драматургами, ведь резкость никому не нравится. Но такой уж у меня характер. Экцентрический. И такая у меня профессия. Я актер. И, выходя на сцену, я не косвенно, не теоретически, а непосредственно сталкиваюсь со зрителем, ощущаю его заинтересованность или равнодушие, его понимание, поддержку или сожаление о зря потраченном им (зрителем) вечере.

Я, как и каждый из нас, хотел бы говорить со зрителем о том, что ему первостепенно важно, о чем он думает, спорит, за что борется. Это не просто личное желание. Это гражданский долг художника, смысл его существования, сверхзадача его искусства. Но для того, чтобы выполнить этот долг, мы нуждаемся в пьесах. Хороших пьесах. Когда мы получаем настоящую пьесу, нам радостно работать, и результаты бывают великолепные. Ведь силы-то у нашего театра какие! Взять хоть Малый театр (не потому только, что я, патриот своего театра, говорю об этом) с его могучей труппой! А без пьес театр безмолвен и актер беспомощен. Только драматург может дать ему речь, заставить «глаголом жечь сердца людей».

Мы — не эстрада, у нее свои сценические формы. Не концерт, который может собирать свои программы по кусочкам, хотя нам тоже порой приходится «кусочничать». Объединять отрывки из разных спектаклей в один вечер. Но как бы сам по себе ни был хорош вечер, хорошие от-

рывки новой пьесы не заменят.

Одно время театр, как и кино, увлекался биографическим жанром. Сейчас мы отмечаем юбилей Горького. Какая пьеса могла бы быть создана об этом интереснейшем человеке и писателе, прожившем удивительно яркую и разнообразную жизнь! А где эта пьеса?

Драматурги не спешат. И что получается? Тут вполне уместно «экономическое» сравнение: если завод-поставщик не дает деталей, то он срывает не только свой план, но и план другого завода, от этих деталей зависящего. Так и драматурги. Не давая театрам добротных, глубоко-содержательных пьес, они подводят не

сельском клубе? Передача по радио? Трудно, невозможно учесть. Но не случайно партия и правительство уделяют нам, работникам искусства, так много внимания: вклад творческой интеллигенции во всенародное строительство огромен.

На моих глазах прошла чуть ли не вся история советского театра. Я видел спектакли, вошедшие в учебники, я и сам играл в таких спектаклях. Я присутствовал при смелых режиссерских экспериментах, принимал в них посильное участие, окунался в атмосферу идейной и творческой борьбы. И, оглядываясь назад, вижу особенно ясно, как сквозь частные устремления художников

проступало властное стремление советского театра полнее, шире отразить великие процессы, происходящие в стране, передать пафос строительства мира нового, отринуть то, что мешает этому миру, преграждает путь к будущему.

Когда я сравниваю то, что я видел, всю ту пеструю, многообразную, порой фантастическую картину театрального творчества с тем, что осталось, не забылось, я наглядно постигаю связь искусства и времени и

через эту связь — цену подлинного эксперимента, без которого невозможно искусство эксперимента, направленного на овладение новой действительностью, на раскрытие закономерностей судьбы народной, и бесплодность эксперимента, замкнутого в самом себе, так сказать, эксперимента от бедности, возникающего тогда, когда художнику нечего сказать, когда он экстравагантностью формы пытается скрыть свое неумение (а может быть, нежелание) анализировать проблемы действительности.

Недавно я был в Башкирии. Играл в спектакле Республиканского русского драматического театра «Волки и овцы». Реалистический, полнокровный спектакль. Островский не переименован, а раскрыт. Раскрыто огромное богатство, заключенное в этой пьесе. И в таком виде спектакль прозвучал современно, оказался нужным и зрителям, и театру. Насколько этот путь серьезнее и честнее того, когда иной режиссер пытается «обуздить» классика, чтобы свою, по существу, мелкую, лишь претендующую на актуальность мысль сделать главной в спектакле.

Нам следует быть строже к себе, воспринимать свое искусство в соотношении с жизнью страны, не гнаться за преходящим успехом. Театр — это серьезно!

Но серьезно — не значит скучно. В праздничные дни особенно видишь, как нужно зрителю искусство радостное, веселое, заставляющее смеяться. И об этом надо помнить и после праздников, помнить, создавая новые пьесы, роли, спектакли. Искусство должно быть радостным!

С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР

только себя. Они обрекают на бездействие в творчестве армию советских актеров и режиссеров. Армию великолепно подготовленную, идейно зрелую, вооруженную знаниями, талантливую. В ее рядах — большие художники, мастера, им сейчас играть да играть, и молодежь, перед которой — будущее. Они знают, что зритель ждет от них глубокого разговора о современности. И разговор этот необходим не только в интересах искусства.

«По нашему представлению государство сильно сознательностью масс», — писал Владимир Ильич Ленин.

Театр может многое сделать. Ведь человек смотрит на сцену, как он смотрит в зеркало. Не ради того, чтобы полюбоваться, как он хорош. Но и исправить то, что неладно. Сцена — учитель жизни, воспитатель сознательности, школа гражданственности, патриотизма, непримиримости в идеологической борьбе, остроту которой мы все ощущаем.

Как велика ответственность художника перед народом! И чем шире аудитория, внимающая художнику, тем эта ответственность больше. А наша аудитория — весь народ.

Я не случайно говорю об армии, хотя наша профессия специфическая и, пожалуй, редкая. Если сравнить число работников театра и число строителей, например металлургов, колхозников, то нас окажется удивительно мало. И результаты нашего труда не поддаются точному измерению.

Что дал сыгранный сегодня спектакль? Фильм, показанный в